

Жатва

*Уж вы жнеи, вы жнеи
Мои молодые!
Жнеи молодые,
Серпы золотые!
Уж вы жните, жните,
Жните не ленитесь!
А обжавши нивку,
Пейте, веселитесь.*

Вслед за сенокосом наступала жатва «хлебов» – так называли все зерновые культуры. В разных регионах хлеба созревали в разное время в зависимости от климатических условий. В южной части России жатву начинали уже в середине июля – с праздника Казанской иконы Божьей Матери, в средней полосе – с Ильина дня или со дня св. Бориса и Глеба (24 июля / 6 августа), а на севере – ближе к середине августа. Первой поспевала озимая рожь, за ней рывые хлеба, овес, а потом гречиха.

*Жала, жала я овес,
Перешла на гречу.
Если милого увижу –
Я к нему навстречу.*

Уборка урожая считалась делом девушек и замужних женщин. Однако главными жнеями были девушки. Сильные, крепкие, ловкие, они легко справлялись с довольно трудной работой.

Жатву полагалось начинать всем в один день. Перед этим женщины выбирали из своей среды зажинальщицу, которая совершит символический зажин поля. Чаще всего это была женщина средних лет, хорошая жница, с «легкой рукой». Рано утром, тайком от всех, она бежала на поле, сжинала три небольших снопа, приговаривая, например, так:

*Кыш, польшко, на конец,
Как татарский жеребец!
Бежи и ржи, уминай и рви
И у поля конец ищи!
Выбежи, выбежи,
Нам волюшку дай!
Мы пришли с острыми серпами,
С белыми руками,
С мягкими хребтами!*

После этого зажинальщица укладывала снопы крест-накрест на краю поля, а рядом оставляла кусочек хлеба с солью для Матери-Земли и иконку Спасителя для предохранения урожая от нечистой силы.

На жатву выходила вся женская половина семьи во главе с хозяйкой. Девушки и женщины надевали особую жатвенную одежду – подпоясанные белые холщовые рубахи, украшенные по подолу и на рукавах красным тканым или вышитым узором. В некоторых селах верхнюю часть рубахи шили из яркого ситца, а нижнюю – из холста, который прикрывали красивым фартуком. Головы повязывали ситцевыми платками. Жатвенная одежда была очень нарядной, соответствующей столь важному дню, когда Мать-Земля родит урожай. При этом одежда была еще и удобной для работы, свободной, в ней было не жарко под летним солнцем.

Первый день жатвы начинался с общей молитвы семьи на своей полосе. Жницы работали на поле в определенном порядке. Впереди всех шла хозяйка дома, приговаривая: «Благослови, Боже, ниву зажать! Дай, Господи, спорыньи и легкости, доброго здоровья!».

По правую руку от нее шла старшая дочь, за ней по старшинству – остальные дочери, а за ними снохи. Первый сноп полагалось сжать старшей в семье дочери, чтобы она осенью вышла замуж: «Первый снопок жать – жениха наживать». Верили, что первая пясточка срезанных стеблей ржи и первый собранный из них сноп обладают «спором», «споркостью» – особой жизнедающей силой, так необходимой будущей хозяйке и матери.

На поле жнеи отправлялись после того, как солнце осушит росу. Хлеб, покрытый росой, жать было нельзя, чтобы зерно и солома не сгнили до обмолота. Девушки вместе шли на поле, пели песни, которые получили название жатвенных. Главной темой песен была несчастная любовь:

Рано-рано наше подворьице зарастает.
Заросло-зацвело наше подворьице травую-муравую.
То не травушка в поле, не муравушка, розовы цветочки.
Там цвели в поле цветочки, цвели, да повяли.
Любил парень красну девицу, да покинул.
Покинувши девчонку, над ней насмеялся.
Ты не смейся, парень, над девчонкой, ты еще сам холост.
Холост-неженатый, нету жены взятой.

Во время работы девушкам петь не полагалось – это была прерогатива только замужних женщин. Замужние женщины обращались в песнях к Богу, ниве, солнцу, полевым духам с просьбой о помощи:

Да унеси, Боже, тучу грозовую,
Да спаси, Боже, ниву трудовую.

Крестьянские поля (полосы) располагались рядом. Жницы могли видеть, как работают соседки, перекликаться друг с другом, подбадривать уставших, укорять ленивых. Песни перемежались так называемым гуканьем, то есть криками, возгласами «У-у!», «Эй!», оханьем-уханьем. Гуканье было столь сильным, что его можно было услышать в отдаленных от полей деревнях. Весь этот многоголосный шум красиво называли «пением жнивы».

Чтобы к вечеру была выполнена определенная часть работы, отстающих подгоняли: «Подтягай! Подтягай! Тяни! Тяни козу-то свою!». Каждая девушка старалась нажать побольше снопов, опередить своих подруг, а не попасть в отстающие. Над ленивыми смеялись, кричали: «Девка! Кила тебе!» – а ночью на полосу нерадивым девушкам «ставили килу»: втыкали в землю палку с привязанным к ней пучком соломы или старым лаптем. По качеству и скорости работы определяли, «работлива» ли девушка, будет ли она хорошей хозяйкой дома. Если жница оставляла за собой несжатую бороздку, то говорили, что у нее «мужик будет нутрец»; если снопы получались большие, то и мужик будет большой, если ровные и красивые, то богатый и трудолюбивый.

Чтобы работа спорилась, девушки приговаривали: «Полоска в край, как белый зай, кыш, погоняй, кыш, погоняй!», а чтобы не уставать, перепоясывались жгутиком из стеблей со словами: «Как матушка рожь стала год, да не устала, так и моя спинушка жать бы не устала».

Работа заканчивалась, когда солнце склонялось к закату и жнива покрывалась росой. Оставаться на поле после захода не разрешалось: по поверью, это могло помешать умершим предкам «гулять по полям и радоваться урожаю». Перед уходом с недожатой полосы полагалось для предохранения ее от порчи положить крест-накрест две горсточки стеблей. Серпы, спрятав, обычно оставляли в поле, а не несли их в дом, чтобы не накликать дождь.

После трудового дня девушки опять собирались в стайку и все вместе отправлялись отдыхать, распевая про несчастную любовь:

Песни пела, грудь болела,
Сердце надрывалось.
По лицу катились слезы –
С милым расставалась.

Услышав громкое пение, появлялись парни, которые заигрывали с девушками в расчете на их благосклонность. Шутки парней порой бывали довольно грубоватыми. Например, парни пугали девушек, неожиданно нападая на них из-за кустов, или ставили «кляпцы»: перевязывали верхушки трав, росших по обе стороны дорожки, по которой шли девушки. В темную пору девушки могли не заметить ловушки, падали,

вызывая радостный смех парней.

Дальше шли вместе, а девушки «припевали» парням невест:

У нас Марьюшка садом шла,
У нас Васильевна зеленым.
Заглядел ее Иван-молодец:
«Вот идет моя ценная, красотой неоценная.
Всю деревеньку насквозь прошел,
Краше-лучше я Марии не нашел.
Ты, Марьюшка, душечка,
Обойми меня радостно,
Поцелуй меня, пожалуйста, в уста».

Жатву старались завершить все в один день. Если кто-либо не справлялся вовремя, ему на помощь спешили соседи. Это было вызвано естественным желанием помочь соседу, а также тем, что несжатые полосы мешали вывозу снопов с полей на гумно и выпасу скота, который выпускали на пожню.

Окончание тяжелой страдной работы отмечалось очень празднично. Девушки и женщины исполняли дожинальные песни, в которых славили ниву и Бога:

А слава Богу
До нового году,
Слава Богу,
Ниву пожали,
Страду пострадали!
Слава Богу
До нового году!

В последний день жатвы проводилось множество обрядов. Их суть заключалась в том, чтобы поблагодарить поле за урожай, попросить его плодоносить на будущий год и взять от поля здоровье себе и своим близким. В одних селах девушки и женщины становились в круг, брали серпы, поднимали их вверх и просили: «Уроди, Господи! на будущий год, чтоб рожь была стеной». В других благодарили за работу серп, навивая на него стебельки ржи: «Спасибо, серяпок, что меня ты поберег, теперь я тебя поберегу, пшеницей накормлю».

Почти по всей России был распространен обычай «завивать бороду», то есть специально оставленные на поле несжатыми колосья завязывали лентами или заплетали в косичку, а под ними на землю клали кусок хлеба с солью. «Бороду» завязывала хозяйка дома в присутствии всех жниц семьи. Девушкам разрешалось перед началом обряда сжать несколько пясточек, оставленных Илье на бороду колосьев. Если девушка сжинала парное количество колосьев – это означало, что на Покров к ней приедут сваты, если нечетное – придется ждать сватов до зимнего мясоеда. После этого девушки уходили веселиться своей стайкой, а бабы, взявшись за руки, начинали приплясывать вокруг бороды, произнося заклинание:

Уж мы вьем, вьем бороду
У Гаврилы на поле,
Завиваем бороду
У Васильевича да на широком,
У Васильевича да на широком.
На нивы великой,
На полосы широкой,
Да на горы на высокой,
На земле чернопахотной,
На землице на пахотной.

После уборки всех хлебов в деревне устраивалась коллективная трапеза с пивом, вареным мясом, «отжиночными» пирогами, яичницей. Девушки и парни, посидев вместе со всеми, отправлялись на гулянье и веселились до самого утра.

Источник:

Шангина И. Жатва / И. Шангина // Шангина И. Русские девушки. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 70-76